

Воспоминания

ЯРОСЛАВ ГАШЕК В САМАРСКОМ ПОДПОЛЬЕ

В жизни великого чешского сатирика Ярослава Гашека, в его идейно-художественном развитии важное значение имело пребывание в России в течение 1915—1920 гг.

Ярослав Гашек, ефрейтор австро-венгерской армии, сдался в плен 24 сентября 1915 года. В 1916—17 годах он активно участвует в антиавстрийском движении чехов, проживавших в России еще до войны, и военнопленных.

В 1918—20 годах Гашек в Красной Армии. Агитатор и политический комиссар, военный деятель и журналист, он внес значительный вклад в дело формирования интернациональных частей Красной Армии в годы гражданской войны. Гашек сплачивал иностранцев вокруг Коммунистической партии, идейно их просвещал и воспитывал. С Красной Армией он прошел победный путь от Самары до Иркутска.

Многочисленные почитатели таланта сатирика, исследователи его жизни и творчества проследили с точностью почти до одного дня его передвижение и деятельность на территории нашей страны.

И все же здесь существуют еще «белые пятна»: очень мало данных о пребывании Гашека в Москве в марте—апреле 1918 года и на нелегальном положении в Самарской губернии в июне—августе того же года. В статьях и книгах, напечатанных до второй мировой войны, лаконично говорилось, что Гашек порвал с легионами (так чехословаки называют воинские части, сформированные во время первой мировой войны в составе армий Антанты), когда они выступили против Советской власти, и перешел к большевикам.

Здена Анчик, чешский исследователь жизни и творчества сатирика, к тридцатилетию со дня смерти и семидесятилетию со дня рождения Гашека опубликовал в ряде своих статей, а затем в книге «О жизни Ярослава Гашека» прокламации от мая—июня 1918 года, написанные Гашеком в Самаре. Прокламации содержали пламенный призыв революционных чехословаков к своим соотечественникам перейти на сторону большевиков. Воспоминания уцелевших соратников Гашека по Самарской революционной организации чехословаков воссоздали яркую картину деятельности писателя в этом волжском городе до захвата города 6 июля белогвардейцами.

Но куда он скрылся после того, как в Самаре забушевал белый террор? На этот вопрос давало ответ опубликованное также Анчиком одно место письма Гашека из Иркутска от 17 сентября 1920 года к председателю Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП (б) Салату-Петрлику: «...после того, как «братья» (чехословаки.— Н. Е.) захватили Самару в 18 году, мне пришлось в Самарской губернии, прежде чем я пробрался в Симбирск, в течение двух месяцев играть печальную роль идиота от рождения, сына немецкого колониста из Туркестана, который в молодости ушел из дому и блуждает по свету, чему верили и сообразительные патрули чешских войск, проходившие в окрестностях...»

Воспоминания старой коммунистки, ныне персонального пенсионера О. К. Миненко-Орловской, которые мы публикуем, существенно дополняют сведения об этом периоде жизни Ярослава Гашека.

Н. ЕЛАНСКИЙ

Записки О. Миненко-Орловской

В 1918 году, когда я познакомилась с Гашеком, мне было 19 лет, я работала лит-правщицом Самарской губернской газеты «Солдат, рабочий, крестьянин».

Это было так.

Как-то весной 1918 года, в апреле или начале мая, мы вернулись с Николаем Кочуровым, будущим писателем Артемом Веселым, из поездки в деревню и прямо с вокзала прошли в редакцию. Там, помимо сотрудников, мы застали двух военных. Один из них (как потом оказалось, Гашек) обратил мое внимание своей оригинальной внешностью и какой-то особой, иронически-доброжелательной манерой говорить. Мне запомнилась его излишняя полнота: когда он поворачивал голову, из-за пухлой щеки был виден только кончик носа, переносица, очень низкая, исчезла совсем, и это придавало ему сходство с большим ребенком. К тому же я сразу почувствовала, что это иностранец, хотя и владеющий русским языком.

Между ним и одним сотрудником нашей газеты шел спор о литературе и, в частности, о Льве Толстом. Гашек говорил о ценности Льва Толстого для победившего пролетариата. Сотрудник наш возражал, горячился. Его речь и горячность, видимо, занимали гостя. Он внимательно смотрел на спорящего сквозь большие очки живыми, слегка насмешливыми глазами и, попыхивая длинной трубкой, время от времени вставлял реплики, которые, несмотря на доброжелательность тона, производили впечатление щелчков по носу. Артем сразу это почувствовал и готов был ринуться на помощь другу...

— Большевик,— угрюмо буркнул мне Артем, показывая глазами на Гашека.

— ...Ну, вот вам и баланс пользы и вреда Толстого с перевесом в сторону вреда,— закончил наш сотрудник свою обширную тираду.

— Баланс заведомо негодный,— улыбнулся Гашек.— Освободиться от влияния прошлого в области идеологии — это вовсе не значит выкинуть за борт великое наследие, которым следует гордиться русским. В царство коммунистической мысли, как вы выражаетесь, мы можем войти, только поднимаясь по ступеням многовековой культуры, поняв ее, использовав, опершись на нее...

Артем прорвался:

— Вы вот что, уважаемый... не морочьте-ка нам голову. Мы ваших университетов не кончали, но и у нас мозги не набекрень. Мы горьковский университет пешком прошли. Вот наша культура.

— Значит, Горького берете с собой в коммунистическое завтра, а Толстого — на свалку истории?

— На свалку его сиятельство!

— Ишь куда загибает! — с веселым удивлением сказал Гашек.— А Пушкина, разрешите спросить, туда же?

— Туда же.

— А можно поинтересоваться, вы читали их когда-нибудь?

— Кровью рвет их читать...

Он забросал Гашека словами тяжелыми, как поленья, и перешел к личным выпадам.

Я опасалась, что гость обидится. Но Гашеку, видимо, эта сценка доставляла удовольствие. Он многозначительно посматривал на товарища, с которым пришел, и раза два показал ему глазами на Артема, как бы любясь им.

— Успокойтесь, товарищ,— сказал он.— Излишнее волнение вредно даже для вашего богатырского здоровья.

— Сами успокойтесь,— буркнул Артем.

— Я-то спокойный. Мне нечего волноваться. Во-первых, я знаю, что партия не отдаст советского читателя и литературу на разграбление вот таким, как вы, рыцарям свалки, во-вторых, я знаю, что лет через пяток вы сами, вспомнив о нашем споре, посмеетесь над своим приговором Пушкину и Толстому и полюбите их.

— Ври толще, пока шкура не лопнет,— сказал Артем и вышел, хлопнув дверью.

А Гашек не обиделся. Он обвел присутствующих своими ясными, как бы смеющимися глазами и сказал, обращаясь к товарищу:

— Какой яркий тип эпохи! Вы не думайте, что это исключение. Нет. Сейчас в России революционная молодежь не признает заветов прошлого, даже прошлого времен Щедрина. Ну что ж. Закономерный этап. Пройдет, как полая вода...

...До занятия Самары чехами Гашек дважды ночевал у моего дяди Н. П. К. В разговоре дядя предрекал ему будущность великого сатирика и убеждал его отойти от политики и отдать все свое время работе над книгами. Гашек отвечал словами Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Помимо литературы, говорили они о политике и текущих событиях. Гашек разубеждал дядю, высказывавшего путаные, эсеровские взгляды.

Я видела Гашека у дяди и в день объявления Самары на военном положении: было получено известие о выступлении белочехов в Пензе. По-моему, это было в последний день мая. Гашек с другим известным в Самаре чешским коммунистом Франтишкой Шебестой проводил в здании бывшей гимназии, где была дядина квартира, собрание чехословаков, потом пришел к дяде.

Когда чехи заняли Самару, Гашек остался в городе, чтобы вести работу в чешских войсках и с целью разведки. Дядя просил его, чтобы он своевременно выехал, но он остался¹.

Последний раз я видела Гашека на даче у К., расположенной в шести километрах от Самары. Было это во второй половине августа 1918 года. Время нашей последней встречи я устанавливаю, вспоминая, как в те же дни по Самаре шли разговоры о том, что Чапаев взял Николаевск (ныне Пугачев), а это, как известно, произошло 22 августа.

В это лето дача пустовала. Дяде было не до нее. Его жена, моя тетка, куда-то уехала. И я со старой нянькой Дементьевной охраняла дачу.

Мой дядя после захвата Самары контрреволюционерами основательно связался с ними, был не то членом Самарского учредительного собрания, не то заместителем министра по делам культуры самарского правительства, а возможно, просто видным членом партии эсеров и личным другом Вольского, председателя самарского комитета членов Учредительного собрания. Во всяком случае при повальных обысках, которые производили белочехи вокруг, нашу дачу обычно обходили.

Таким образом, дача была достаточно хорошей ширмой, чтобы оградить ее посетителей от любознательности патрулей. Поэтому, когда при защите Самары был ранен друг моего детства Николай Кочкуров — Артем Веселый и надо было его где-то срочно укрыть (белочехи расстреливали раненых, которых обнаруживали), я отыскала мать Николая и предложила свои услуги. Дядя, хотя и попавший не в свои сани, в общем был человеком порядочным и добрым. Он разрешил мне спрятать Николая с условием, что в случае провала я не выдам его сообщничества. План укрытия Кочкурова не осуществился. Но с тех пор ко мне дважды приходили красные подпольщики по указанию Кочкурова. Его мать каждый раз являлась вестником этих посещений. Как-то вечером она снова пришла разведать, все ли спокойно на даче и может ли прийти еще один посетитель. Мы условились, что если все будет благополучно, я буду ожидать его, сидя на второй ступеньке крыльца в белом платье с приколотой гвоздикой и с книжкой в руках.

И вот я ждала «туркестанского немца-колонию, идиота от рождения, который покинул свою семью и измеряет просторы России на своих двоих». Я должна была выдать его за внука своей старой няньки, когда-то работавшей на ташкентской текстильной фабрике, если кто-нибудь, паче чаяния, поинтересуется гостем. Я, конечно, понимала, что идиот и немец — это только роль, но ожидаемое посещение волновало меня больше обычного.

— Почему идиот и, главное, почему немец? — тысячу раз задавала я себе вопрос. Затея выдать себя за немца казалась мне неразумной и опасной. Кто из наших так

¹ Это очень важное сообщение, которое существенно изменяет сведения о мотивах, побудивших Гашека уйти в подполье. — Н. Е.

хорошо знает немецкий язык, чтобы разыгрывать немца перед чехами, которые почти все владеют им в совершенстве?!

Стрелка часов, двигаясь, как черепаха, доползла, наконец, до семи. В ту же минуту в просвете деревьев за оградой сада мелькнула как будто знакомая массивная фигура. Николай?!

Но калитка отворилась и я увидела, что это был не Николай. Слегка сутуловатый гость был шире в плечах, полнее и значительно старше. Ему было явно за тридцать — возраст, казавшийся мне в ту пору весьма солидным. Тем не менее он производил впечатление забавного ребенка-великана с большой круглой головой на короткой шее. Щеки пухлые, как слобные булки, почти заслоняли, если смотреть сбоку, небольшой широкий нос с низкой переносицей. Губы у гостя были пышные, бантиком. Навсегда запоминающиеся глаза смотрели вокруг с невинным удивлением новорожденного ребенка. Поношенная серая шляпа прикрывала полностью его коротко остриженные волосы. Костюм — смолоду коричневого цвета и явно с чужого плеча — впивался ему в бока. Из рукавов высывались полные в ямочках руки, из-под брюк — лодыжки в серых носках. Балансируя, как на палубе, он благополучно провел меж клумбами свои огромные ботинки и предстал передо мной.

Я молчала, боясь попасть впросак. Он прищурил глаза — то ли в них ударило солнце, то ли был близорук, и, улыбнувшись, закрыл у меня на коленях книгу.

— Вот и я — немец-колонист, от рождения идиот. Честь имею явиться.

Речь была чисто русская, но в произношении слов явно чувствовался иностранец. Я сразу поверила в немца-колониста и чуть было не поверила во вторую часть утверждения, так очаровательно беспечно, с таким первобытным спокойствием входил этот человек в преддверие опасного для него города. Но гость сказал негромко и серьезно:

— А где же моя нареченная бабушка? Не мешает облобызаться с ней публично, поскольку я привлек внимание дикаря из племени зевак.

Только тут я заметила, что толстомордая купчиха с соседней дачи тарасила на нас глаза через забор, как пучеглазый окунь.

Гость легко поднял под мышки тщедушную старушку, вышедшую на мой зов, и звонко поцеловал ее в обе щеки. Растроганная Дементьевна вытирала фартуком неподдельные, покотившиеся по щекам слезы (сердце старой ткачихи, естественно, было на стороне красных).

Мы вошли в дом. Узнав, что для него уже приготовлена ванна, гость захлопал в ладоши и попросил разрешение выстирать белье. Дементьевна категорически заявила, что стирать будет она, и принесла ему переодеть белье дяди. Я принесла дядину пижаму.

С тех пор, как гость переступил порог нашего дома, у меня все время возникало чувство, будто я где-то видела его и даже будто с ним было связано что-то приятное в моей жизни. Раздумывая над этим, я побежала в погреб за закуской к обеду. Когда, вернувшись, я отворила дверь в столовую, гость уже сидел за столом в дядиной пижаме. На нем были очки. Он попыхивал длинной трубкой, наклонясь над книгой. И вдруг точно молния блеснула: редакция, за столом чешский комиссар Красной Армии, спор о Льве Толстом...

Я выронила из рук банку со сметаной: Гашек!

Мне казалось, что я лишь мысленно произнесла это слово. Но то ли выдало меня движение губ, то ли он прочел по моим глазам, что я его узнала, он встал, явно огорченный.

— Узнали все-таки! Я так и думал, что здесь меня могут узнать.

Я стала уверять его, что он совсем не похож на себя и я никогда бы не узнала его, если бы не эти очки, не трубка и не особые обстоятельства нашей первой встречи. Пришлось пояснить причины, почему он врезался в мою память. Я уверяла Гашека, что здесь он в безопасности. Никто из соседей не бывает у нас. Патрули обычно минуют наш дом, зная, что это дача К. Дядя вернется дня через два из Казани, но он все лето не заглядывал на дачу. Я не преминула добавить, что дядя мой вообще человек хороший и если бы даже узнал, что здесь Гашек, то был бы только как

всегда рад этому. Я сообщила Гашеку, что дядя разрешил мне спрятать на даче раненого Николая.

Гашек улыбнулся:

— Хитер бобер, зараз двум богам обедню служит.

Я стала возражать, обидевшись за дядю, которого любила и у которого жила, не имея родителей.

— Не будем спорить,— сказал Гашек.— Пусть он ангел во плоти, но я не хотел бы сейчас с ним встретиться.

Он добавил, что ему надо вообще срочно двигаться в путь, и спросил, кто из нас — я или Дементьевна сможем вызвать из города нужного ему человека. Я предложила свои услуги, но Гашек сказал:

— Если старуха верна и толкова, то лучше поручить это дело ей.

Он продиктовал мне записку: «Юра, завтра придешь в то же время, в то же место. Твоя Толстущка». Нянька, хорошо знавшая Самару, повторила адрес и пошла по заданию. Но не прошло двух минут, как она вернулась в комнату с испуганным лицом:

— Чехи идут!

Гашек схватил со стула свои ожидавшие стирки брюки и сунул их Дементьевне.

— Сейчас же в корыто, в воду.

Я вспыхнула при мысли, как бы гость не подумал, что здесь провокация, и бросилась к двери со словами: — Не выходите, я не пушу их!

Гашек что-то возразил, я не расслышала.

Чехи — два солдата и офицер — уже подходили к крыльцу.

Солдат я видела много раз. Они жили поблизости и несли патрульную службу, но никогда не заходили к нам. Офицер, видимо, был новый. С маленькими усиками и вздернутым носом он имел необыкновенно наглый вид и все вытягивал шею — привычка, образовавшаяся, видимо, от желания казаться выше.

Он шел, как подагрик, и было видно, что основательно выпил.

Я спустилась с крыльца: — Что вы хотите, господа?

— Проверка токументы,— сказал офицер спотыкающимся языком.

— Это дача члена правительства и никакой проверке не подлежит.

— Правительства? Ха-ха! — рассмеялся офицер.— Где ваша войска, правительства? Чех уйдет, и пфу ваша правительства! Желаю знакомить с правительства.

Я объяснила ему, что знакомиться не с кем. На даче нет никого, кроме меня, бабушки и бабушкиного внука — немца-колониста, от рождения идиота, который шляется по стране и каждый год об эту пору приходит навестить бабку.

— Желаю глядеть,— сказал офицер и занес ногу на ступеньку.

Я загородила ему дорогу.— Не имеете права. Я буду жаловаться!

Офицер запыхтел от злости. Но в эту минуту дверь за моей спиной скрипнула. Солдаты переглянулись и прыснули от смеха. На пороге стоял Гашек. Босой. В пижаме и подштанниках. Вытянувшись во фронт, он прикладывал руку к голой голове и сиял, как полуденное солнышко.

— Sieg und Rache. Gott, straffe Bolschewiki¹. Бог знает, господа, это чертовски трогательно. Лежу я, отдыхаю с дороги, и вдруг, как ангельская музыка, ваши чешские голоса. Вы, конечно, ко мне, господа, от господина Чечека или Власака? Не дальше, как сегодня утром, я послал им рапорт, и вот вы уже здесь. Смее спросить, какой награды удостоили меня их превосходительства за спасение чешского офицера и в какой батальон меня приказано зачислить?

Поручик выругался.

— Не морочьте мне голова. Не понял, где конца, где начал. Говорите кратка и связна.

Гашек широко распахнул дверь и, сияя своей улыбкой, попятился в комнату.

— Прошу, господа, зачем вам печься на солнце и делать из себя жаркое. Сейчас я все доложу.

¹ «Sieg und Rache» — шовинистическое приветствие, буквально «Победа и месть», далее: «Боже, накажи большевиков!» (немецк.).

Все последовали за ним. Офицер, которого, видимо, мутило, в изнеможении опустился на стул, солдаты встали у дверей.

— Теперь, господин обер-лейтенант, имею честь доложить о своем боевом подвиге,— продолжал Гашек.— Сижу это я вчера на станции Батраки, на берегу Волгиматушки, и проклиная тот час, когда меня родная мама на свет родила. Другие, посмотришь, сопляк сопляком, полная дохлятинка, а он в армии солдат, и винтовочка при нем. Идет, как герой. А я детина хоть куда. Как дам раза — одним махом трех побиваю, а никто меня в армию не берет. Царь Николаша призвал было меня на двенадцать первом годке, да не пришлось мне повоевать. Гоняли, гоняли по гарнизонным тюрьмам и психобольницам, да так и выгнали, признали, будто я идиот. А спрашивается, кто из умных может сказать, что я идиот? И разве идиот не может быть солдатом? Солдату голова не нужна. За него начальство думает. Солдату лишь бы руки покрепче, чтобы врага колоть, да кишок побольше, чтобы выпустить их, когда придет его час, за царя и отечество.

Офицер, который, казалось, начинал дремать, поднял голову.

— Эй вы, blöder Kerl¹, ближе дело!

— Есть, господин обер-лейтенант, ближе к делу. Сижу я и думаю, какую мне лазейку найти. К красным просился — не берут. К белым просился — не берут. Дай, думаю, к чехам попрошусь, помогу им русскую кашу расхлебывать. Они как будто мне сродни: по-немецки понимают и царя Николашу от большевиков спасают...

Офицер снова поднял голову:

— Не болтать глупость, ближе дело!

— Есть не болтать глупости. Сижу я и думаю. Вдруг офицерик. Точь-в-точь вроде, как вы, такой деликатный и шупленький. Немецкую песенку мурлыкает и вроде бы приплясывает, как старая дева в пасхальный праздник. Благодаря испытанному нюху я сразу вижу — офицер под мушкой. Гляжу, направляется прямо к уборной, из которой я только вышел. Ну, думаю, на ловца и зверь бежит. Я, конечно, сажусь под дверями уборной и говорю себе: потолкуй-ка ты, молодец, вот с этим чином, это тебе не повредит, а с человеком под градусом всегда договориться легче. Сижу я десять, двадцать и тридцать минут. Не выходит офицер...

В том же тоне Гашек рассказал, как он спас чешского офицера, который провалился в нужник, раздвинув и поломав гнилые доски пола.

— Прошу у коменданта бумагу про спасение офицера, опираюсь на свидетелей, а он выгоняет нас всех в шею. Ничего, говорю себе. Волноваться я не буду. И драться с ним не приходится: пользы это мне, безусловно, не принесет. Во всем должен быть порядок. Доеду-ка я до Самары, до самого господина Чечека или Власака. Пускай проверяют, спасал я или нет чешского офицера на станции Батраки. Такой случай, безусловно, дошел до ушей каждого, и никто не будет отрицать.

— Отставить смех! — крикнул офицер на солдат, которые во время рассказа покатывались со смеху.

— Есть отставить смех,— подхватил Гашек.— Здесь, господа солдаты, смех действительно ни при чем. Такому человеку, как спасенный мною офицер, с первого взгляда, конечно, цена — грош, но кто поручится, что завтра он не будет большим чином. Смею доложить, что даже вынутый из уборной, он вел себя так, как будто ему завтра предстоит получить звание, по крайней мере, генерала.

— Молси, дурах! — Офицер с трудом поднялся со стула, впиваясь в Гашека маленькими глазками.— Фаш токумент!

Гашек уставился на подпоручика глазами, полными нежности, как будто перед ним стояла давно потерянная и вновь обретенная любовь.

— Документ! — воскликнул он в полном восторге.— Люблю документ.

И он стал рассказывать, что ни одно правительство не хочет дать ему документ. Только один раз в жизни держал он в руках справку из волости о годе рождения, когда его призывали в армию, но и с этим документом не повезло. Справку забрали и не вернули, когда выгоняли его из армии.

— Нет токумент, ходим комендатура. Там допрос,— сказал офицер.

¹ Blöder Kerl — болван, буквально «тупоумный парень» (немецк.).

— Я готов, господа! Побеседовать с начальством я большой любитель. Расскажу я вам, например, случай: привели меня в комендатуру на прошлой неделе в городе Сызрани. Сидит передо мной важный господин в чине подполковника. Вижу, чем-то расстроенный — на приветствие не отвечает и задает мне не совсем умный и совсем не деликатный вопрос: Признайтесь, говорит, с красными связь имеете? Нам все известно.

Я про себя, конечно, пожимаю плечами и думаю,— не мое дело. Может, у него с женой неполадки али с любовницей.

— Признаюсь, говорю, ваша милость. Было бы глупо отрицать.

Он стукнул кулаком по столу и говорит:

— Рассказывайте все по порядку, с кем, когда и где.

— Не беспокойтесь, говорю, ваша милость, если вы желаете поразвлечься, то могу доложить дело в полной точности и в самых деликатных подробностях. Тут начинаю я ему объяснять в коротких словах — час-два, как приютила меня в последнее время одна саранская мордочка. Красна как рак, страшна как грех. Рассказал я про других красных бабочек, которые меня привечали. Предрассудки, говорю, брезговать рыжими дамочками... Вдруг неизвестно, что случилось с моим подполковником. По-краснел, как индюк, да как закричит: «Вон отсюда, идиот!» Ни слова больше, ни слова меньше... Погнали меня из комендатуры перед самым обедом, в то время как другим уже принесли кушать. Тут я, признаюсь, здорово поскандалил. Они меня под руки, а я кричу: обед выписан и на меня — должен я его съест! Во всем должен быть порядок. Они меня за дверь, а я рвусь обратно. Уж такой у меня характер. Если разволнуюсь, до тех пор не успокоюсь, пока не дадут по морде. Вот я и предупреждаю, господа, чтоб не вышло подобных недоразумений. Прикажете идти в подштаниках? — обратился он к офицеру,— может, там обмундируете — мне это на пользу. А не то подождем, пока моя бабуся закончит стирку брюк. Нам особенно торопиться некуда.

— Отставить! — сказал офицер.— Я идти отсюда. Довольно с меня. Хватит.

— Вы счастливый человек,— порадовался Гашек, следуя за ним в сад.— На других посмотришь, так они вечно чем-то недовольны, все им чего-то не хватает.

— Исчезните! — прикрикнул офицер, косясь на пучеглазую купчиху, наблюдавшую через забор за ходом событий.

— Извините меня, я хочу вам рассказать только один анекдот...

— Уберите его! — обернулся ко мне офицер.— Куда он прет за мной в подштаниках? — Офицер прибавил шагу и вылетел за калитку. За ним последовали насмеявшиеся до слез солдаты.

Я взяла Гашека, который делал вид, что хочет следовать за офицером, за рукав пижамы и увлекла его в дом.

— Вы великий артист,— сказала я ему.

Гашек улыбнулся: — Хороша русская пословица — «Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет».

Мы сидели на террасе и пили чай. Солнце опускалось в воду, как огромное пылающее колесо. Опаловые степи на том берегу ограничивались только линией горизонта. Гашек долго смотрел гуда, не отрывая глаз.

Я окликнула его: остынет чай. Он живо обернулся.

— Россия! — сказал он.— Какой простор! Я вырос на другой почве, и здесь впервые дышу полной грудью. Кончится война, вернусь в свою маленькую Чехию, но Россия — моя вторая великая родина. Я буду часто приезжать в Россию. И в Самару тоже. Как хороша Самара! Я сроднился с ней. Приятно думать — здесь жил Владимир Ильич. Мне представляется сейчас, что когда-то он сидел здесь так же, как мы с вами, и смотрел на Волгу.

Я сказала ему, что Ленин — замечательный пловец. Мой отец — его ровесник и когда-то состязался с ним, переплывая Вэлгу. Перед смертью — вскоре после Октябрьской революции — отец написал Ленину письмо, просил позаботиться о нас, его детях, и вспоминал об их встречах.

— Что ответил Ленин на письмо? — спросил Гашек.

Я рассказала ему, что дала прочесть письмо Кочкурову (Артему), но он забраковал его, сказал, чтобы я не срамилась с этим интеллигентским нытьем, выбросила письмо и не морочила голову Ленину. Я письма не выбросила, но и не послала.

— Напрасно,— сказал Гашек и просил прочитать письмо. Но письмо было на городской квартире.

Пришла Дементьевна и сказала, что посланную с нею записку она отдала по указанному адресу молодой женщине, которая назвалась Нюрой. Гашек удовлетворенно кивнул и попросил меня указать ему, где бы он мог соснуть. Я провела его в спальню дяди.

Темнело. Я села снова на крыльце оберегать покой спящего гостя. Окно его спальни было открыто в сторону Волги. Он должен был скрыться через него в случае вторичного появления патруля.

Вдруг меж деревьев сада замелькал свет фар и автомобиль резко затормозил у калитки нашего сада. В ту же минуту до меня донесся голос дяди, разговаривающего с шофером. Меня обдало жаром. Почему он вернулся раньше срока? Зачем явился сюда?

Я бросилась в дом предупредить Гашека. К моему удивлению, Гашек не соскочил с постели, не воспользовался дорогой через окно, а как будто даже обрадовался сообщению, что дядя приехал. Но что меня еще больше поразило, дядя, стремительно вошедший в комнату, не обнаружил ни удивления, ни испуга. Он заключил Гашека в объятия и трижды поцеловал его по старому русскому обычаю.

Я снова сидела на крыльце, а в комнате дядя с Гашеком пили чай и разговаривали вполголоса.

Но поистине в этот день происшествия сыпались, как из рога изобилия. Не прошло и получаса, как садовая калитка хлопнула и в лунном сиянии по аллее поплыла белая шляпа Вениамина Петровича — преподавателя физики и математики, приятеля дяди. Он был тоже эсер и горячий поклонник главаря самарской контрреволюции Вольского, которому подражал во всем — в одежде, разговоре, повторял его слова. Я дала сигнал. Дядя сказал Гашеку: «Идите в комнату, притворитесь спящим».

Вениамин Петрович, живший на даче неподалеку, узнал от шофера, что приехал дядя, и заявился узнать казанские новости.

Стараясь овладеть собой, я с быстротой молнии вытащила из шкафа на стол все напитки, желая поскорей напоить и выпроводить гостя.

Дядя пригласил Вениамина Петровича к столу, тот сказал, что не особенно торопится и ему полезно отдохнуть. Он снял с себя пиджак, развалился в качалке у открытого окна и заявил, что в такую ночь могут спать лишь заплесневелые старики. Потом он пустился разглагольствовать. «Что принесла России большевистская диктатура? Разложение народного хозяйства, голод, режим политического гнета. Россия унижена большевиками. Мы скоро будем присутствовать при падении большевистской химеры во всероссийском масштабе».

Он подошел к столу и выпил за скорейшее осуществление столь радужного прогноза. Вино благотворно подействовало на его разговорные способности. Слова полились из его уст, как вода из мощного фонтана. Забывая о малочисленности аудитории, он размахивал руками, бил себя в грудь и закрывал глаза. Расхаживая по комнате, он заглянул за портьеру (дверей в комнате не было) и спросил:

— Кто там спит у тебя? Серафима Александровна приехала?

Дядя ответил равнодушно, с деланной зевотой:

— Нет, жена приедет не раньше августа. Это, Олюшка говорит, Серафимин племянник приехал, немец-колонист из Туркестана.

— Разве она немка? — удивился Вениамин Петрович.

— Нет, жена русская, но ее старшая сестра вышла за немца-колониста.

— Разбуди же его. Интересно узнать про настроения в Туркестане.

— Пускай спит, — отвечал дядя, — после столь длинного пути его из пушек не разбудишь. Завтра приедет в Самару, там поговорим.

— А я уже не сплю, дядюшка, — раздался голос из спальни. — Проснулся и слышу — интересный разговор. Сейчас одеваюсь.

Через несколько минут Гашек вышел в дядиной пижаме. Спокойный, уверенный. Он поцеловал в щеку дядю и подал руку Вениамину Петровичу.

— Вот удача,— сказал он, когда дядя отрекомендовал ему гостя.— А я, признаться, специально приехал к вам, чтобы у людей умных ума занять.

Он рассказал легко и просто по ходу дела сочиненную историю, что, получив письмо от тетки о высоком избрании дяди, папаша проводил его к нему нащупать почву, крепко ли стоит на ногах Учредительное собрание и атаман Дутов, на территории которого в Оренбургской губернии папаша задумал купить десять тысяч десятин у перепуганного большевиками помещика. Сейчас только и купить по дешевке, пока большевики сидят в Москве, как пугало.

Гость вскинул на Гашека черные бусинки глаз.

— Ишь чего захотел племянничек. Ты слышишь, Николай? Ха-ха. Вот представление о нашей земельной программе! — Он нарочито устало закрыл глаза, показывая всем существом, что эта дичь для него слишком мелкого калибра и что он предоставляет дяде возможность заняться просвещением племянничка.

— Никаких помещиков! — горячо сказал дядя, прихлопнув ладонью по столу.— И потом, дорогой друг, как вы можете ставить на одну доску атамана Дутова и демократическое правительство? Дутов ярый монархист. Мы стоим за демократическую республику. Земля помещиков должна быть роздана крестьянам.

На одну секунду Гашек изобразил на своем лице немое изумление. Но тут же улыбка сверкнула на его лице:

— По-ни-маю! На эту наживку вы хотите уловить крестьян. Но на какую же приманку вы возьмете тогда обездоленного помещика и всех иже с ним?

— Зачем нам нужен помещик и все черные силы реакции?! — не выдержал Вениамин Петрович.— Вы, молодой человек, политический младенец.— И он разразился речью, в которой были спрессованы все чудеса политической премудрости: — Государственности без народа не существует. Только та власть сможет справиться с исполнческой задачей возрождения России, которая обеспечит все основные завоевания революции в рамках капиталистического строя и сумеет опереться на все цензовые элементы страны. Военная диктатура должна быть ограничена народным представительством.

Он обещал рай на земле на развалинах большевистской диктатуры, после чего облегчил глотку стаканом шампанского.

— Простите,— сказал Гашек,— конечно, я перед вами политическая букашка, и вообще меня из шестого класса гимназии за неуспеваемость выгнали, но я богатый крестьянин, как я понимаю, человек-почва, на которой вы сидите, и я должен вас предостеречь, чтобы не сломать нам головы. У каждой проблемы две стороны. Рассмотрим вторую. Бедняка и середняка — три четверти России — ни на какую приманку не возьмешь. Большевики уже отдали им помещичью землю, которую вы обещаете. О рабочих и говорить нечего. Они только и ждут, чтобы дать нам пинка под зад. Что же у нас остается, если отвергнуть «черные силы реакции»? На одном богатом крестьянине, в придачу с чехами, далеко не уедешь. Этот конек против советской власти слабозат. Вот и выходит, что ехать нам с атаманом Дутовым и адмиралом Колчаком обязательно в одной упряжке всем. Или батюшка царь с помещиками или большевики.

— Никогда! — безапелляционно сказал Вениамин Петрович, всегда уверенный в ошибочности всех взглядов, кроме его собственных, и стал собираться домой, раздраженный непонятливостью гостя.

— Пожалуй, я заночую, поезжай один,— неожиданно сказал дядя.— Завтра к заседанию комитета приеду.

Уходя, Вениамин Петрович сказал: — У вас, молодой человек, в голове черная ночь.

Утомленная переживаниями дня, я засыпала и просыпалась, сидя на крыльце в роли сторожа. Гашек и дядя все спорили с увлечением и жаром.

— Уходите от них, уходите,— доносилось до моего слуха.— Эти люди оторвались от своей почвы. Они покатаются теперь, как трава перекасти-поле, и их конец — эмигрантская трясина. Это люди с головой, свернутой назад. Они пытаются заново комбинировать факты и обстоятельства, которым нет возврата. Вы еще способны пересмотреть по-новому смысл происходящих событий. Вы любите Родину, как мать, и разлука с ней будет для вас невыносимой.

Дядя снова что-то говорил уже не запальчиво, а тихо и грустно. Я дремала под звуки его голоса и снова просыпалась, когда начинал говорить Гашек:

— Если останусь жить, я обязательно напишу книгу о русской революции, о Ленине. Время-то какое, Николай Павлович! Вы не лишены наблюдательности и остроты слова. Хорошо было бы, если бы вы записывали события каждого дня и обязательно зафиксируйте забавную картинку, как будут выбрасывать из Самары всю эту демократическую контрреволюцию. Потом, когда-нибудь, может быть, обменяемся нашими записями и наблюдениями.

Окончательно проснувшись, я вошла в комнату и вмешалась в разговор:

— Не знаю,— сказала я,— сумеет ли дядя с его путанными взглядами правильно записать события, но я запишу для вас все.

Дядя и Гашек засмеялись, видимо, над моей дерзкой самоуверенностью.

— Ну что ж, Оль-Оль,— сказал Гашек,— будьте летописцем. Может быть, пригодится.

Вид у Гашека был усталый. Днем на его улыбающемся лице я не заметила этой усталости. Теперь, когда Гашек был самим собой, она резко бросалась в глаза.

Было начало четвертого. Над Волгой поднималась белая дымка, когда Гашек лег спать на пустую теткинскую кровать, в одной комнате с дядей.

В семь утра Дементьевна разбудила меня — помочь ей приготовить завтрак. Я вошла на цыпочках в спальню, намереваясь опустить шторы, чтобы поднимавшееся солнце не разбудило гостя. Дядя спал, повернувшись к стене, постель Гашека была пуста и аккуратно убрана. Я бросилась в сад, спустилась к Волге, потом выбежала на дорогу, ведущую к трамваю,— его не было нигде. Я вернулась домой и разбудила дядю. Он удивился и огорчился:

— Отчего? Почему? Спал ли он хоть сколько-нибудь? Может быть, он не доверяет мне!

Гашек ушел в старом костюме, который дядя дал ему еще вечером. Возможно, он приходил к нам на вторую ночь. Были заметны следы больших ног и его костюм-коротышка исчез с веревки. А возможно, его снял дядя в порядке предосторожности...

Больше я Гашека не видела.

До самой смерти Гашека я все надеялась на встречу с ним и писала для него дневник событий. Этот дневник долго у меня хранился, в нем была и подробная запись о летнем дне 1918 года, который был перенасыщен таким обилием трагикомических событий, что навсегда необычайно живо запечатлелся в моей памяти.

А когда появился «Швейк», и я прочитала его, то просто ахнула: так много сходства было у бравого солдата с «идиотом от рождения, сыном немецкого колониста из Туркестана», который на моих глазах ловко одурачил белочешского офицера.